

ротких хитонах тех, кто не раз сражался [ранее] за их свободу и свободу города. . .» (Мон., 648 С). В понимании Кидониса прежнее благополучие и свобода города были связаны с именами подвергшихся репрессиям представителей знати. Восставшие же бедняки предстают в описании автора как разрушители. Расстановка классовых сил в ходе восстания точно передается в часто цитируемом во всех посвященных движению зилотов исследованиях фрагменте «Монодии. . .»: «Здесь раб гонит своего господина, невольник — того, кто его купил, селянин — стратига, земледелец — стратиота» (Мон., 648 D). Димитрий Кидонис оскорблен, что тех, кому город был обязан благополучием и свободой, «тащили с веревками на шее, точно рабов» (там же). В риторическом пылу негодования автор «Монодии. . .» поясняет, что он считает справедливыми отношения господства и подчинения: «Раб не знал более своего господина и, справедливо (*δικαίως*) почитавши его ранее, теперь требовал подвергнуть того наказанию» (Мон., 645 С). Но истинно справедливыми Кидонис объявляет только прежние отношения господства и подчинения, которые имели место в период «братства и любви». Установленное же в ходе восстания соотношение сил освещается им в негативном плане: «Имея оружие и богатства, рабы и бедняки стали господами; для владевших этим ранее они считали подходящей участь рабов и, связав их, подвергали заточению, не разрешая им пользоваться и светом» (Мон., 645 С).

Расстановка сил в ходе зилотского движения, данная Григорием Паламой, также классово окрашена: «. . . лучшие люди его (города. — М. П.) пали, а низшие люди и ремесленники захватили власть» (Гом. I, 13 А).

Димитрием Кидонисом в «Монодии» мобилизованы все средства риторики, чтобы описать жестокость тех, кто восстал против достойных и лучших граждан города. Его описание восстания воспринимается, как стон, как крик пострадавшего в этих событиях («О город, более горький, чем весь Стикс». — Мон., 652 А; «О могила и родина одновременно!» — Там же). Детальное описание восстания, гибели детей и женщин («грохот и пыль, рушащиеся поодаль городские стены, засыпающие собой женщин и детей» — 648 В), проявления отчаяния преследуемых («те, кто был схвачен, утаскивались, другие же бежали из города, ставшего вражеским, и сами бросались со стен наружу» — 649 А) призвано создать у читателя чувство нравственного неприятия происходящего. Мастерское использование художественных приемов как бы позволяет услышать стон всего города: «Вопль и слезы повсюду — у тех, кого волокут, преследуют, топчут, хватают, режут (649 А). Описание преследования и поисков способа избежать расправы («. . . иные, раскрыв гробы, прятались в могилах, уже гниющих, так что те, кто приближался и вдыхал запах. . . убегали прочь». — 648 А), а также подробный рассказ об издевательствах над трупами и полуживыми вызывает не только нравственное, но и физическое отвращение: «Но против тех, кто еще дышал, раздражалась вся толпа. Их убивали всякими способами. Многим даже смерть не приносила покоя [их] телам. Словно злясь на трупы, что они целы, [убийцы] разрывали их на части, чтобы после этого родственники искали, так как они сделали их неузнаваемыми. Тела бросались на тела, повсюду мозг и кровь, пепел и внутренности, камни, мясо и сухожилия, дерево и куски тел» (649 В—С).

Кидонис акцентирует внимание читателя прежде всего на звериной жестокости толпы. Именно толпа (*ὁ ὄχλος*) противопоставит знатным и достойным. В «Апологии I» Кидонис утверждает, что всякое скопление людей приводит «к беспорядку, разрушению, потрясению и ни к чему, кроме зла»⁴⁷. Григорий Палама также замечает, что фессалоникийское восстание превратило его участников в «диких зверей» (*εἰς θηρία* —

⁴⁷ *Mercati G. Op. cit.*, p. 377.44—45.